

Теучи Ичираку, проживая в деревне шиноби, там, где ходят первобытно выглядящие Инузуки, бесстрастные Хьюги, надменные Учихи, шиноби в разнообразных типах очков, масок и шарфов, научился разбираться в людях. Он мог заранее определить, хочет ли клиент по-быстрому подкрепиться или основательно поесть, лучше ли его не беспокоить или ему охота поговорить, в хорошем ли он настроении или отвратительном. Лучшего своего клиента, Наруто Узумаки, он знал почти как самого себя. То что теперь Наруто был повыше, его волосы были завязаны в озорные хвостики, а его грудь если кому и уступает по красоте, то только самой госпоже Цунаде, лишь немного осложняло дело. Поэтому когда одна из сестрёнок Мито-тян подошла к нему, переминаясь с ноги на ногу, что заставило взгляд зрелого, но вместе с тем здорового мужчины непроизвольно опуститься к колышущимся в такт полушариям, он точно знал что Мито-тя... Наруто чего-то от него хочет.

Раньше бы это означало, что Наруто хочет рамена, но спустил все деньги на краску, которой разрисовывал заборы, что раньше частенько ставило Аяме-тян в неловкое положение. Дочь, будучи твёрдо уверенной, что сироту безбожно обсчитывают подлые владельцы магазинов (просроченное молоко и быстрозаварной рамен в холодильнике Узумаки только подтверждали её подозрения), шла ругаться с продавцами. Несмотря на то, что большинство из взрослого поколения знало о Демоническом Лисе, такую глупость, как обманывать ребёнка, с которым частенько душевно беседует сам Хокаге, не мог себе позволить даже клинический идиот. Наруто обслуживали неприветливо, молча, но болезненно честно. Так что после нескольких неудобных ситуаций, когда продавцы даже показывали боевой дочери свои grossбухи, Аяме успокоилась, время от времени повторяя проверки просто на всякий случай, получив стойкую репутацию любительницы шоппинга.

Также в те несколько раз, когда Наруто приходил с синяками, у боевой Аяме возникла идея, что ненавидящие жители Конохи до полусмерти избивают её «братишку Наруто-тян». То что сам Наруто стойчески оказывался называть обидчиков, руководствуясь понятиями дворовой чести, её убеждения подогревало. В её воображении Наруто не только подбивали глаз. Если парнишка долго не появлялся, значит его избивали, били ногами, ломали руки и ноги, тыкали кунаями и метали в него сюрикены. С каждым днём, в которые Наруто не появлялся за своей порцией рамена, виновниками становились сначала дети, затем пьяные взрослые, продавцы, обыватели с факелами и палками, шиноби, и даже Анбу! Однажды, получив неловкий разговор с отцом о пчёлках и цветочках, Аяме-тян с ужасом поглядела на Наруто и упала в обморок. Никакие уверения отца и напоминание о знакомстве парнишки с Хокаге дочь не убеждали. Самым противным для Теучи было то, что он не мог объяснить, ПОЧЕМУ ни один человек в Конохе, кроме хулиганов-сверстников, не может обидеть «братика», не нарушив закон. Закон, который свято соблюдался всеми жителями, ведь знать, когда Наруто сопровождают Анбу они не могли, а попадать в подразделение пыток и допросов и расставаться с жизнью никто не хотел.

Но теперь Наруто не нужен был рамен — мало того, что он учился готовить сам, так и с помощью своего безумного дзюцу делал копии блюд и вдоволь его наедался. Аяме-тян много раз пыталась накормить его произведениями своего кулинарного искусства, но Наруто, гордый своим впечатляющим дзюцу, употреблял только «теневые копии». Видимо ему очень нравилось смотреть на округляющиеся глаза не избалованной демонстрацией искусств ниндзя Аяме-тян.

— Ты что-то хотела, Мито-тян? — Наруто настаивал чтобы в женской форме его называли именно так.

— Старик Теучи, у меня есть к тебе дело! — Наруто ощутимо замялся и понизил голос. — Мне нужно купить две бочки сакэ!

— А не рановато ли тебе пить спиртное, да ещё в таких количествах? А, Наруто-кун?

— Мне это нужно для одного супер-крутого дзюцу! — Наруто был так искренне возмущён обвинением, что не заметил обращения по мужскому имени.

— Я не знал что дзюцу работают на спиртном! Ты случайно не хочешь освоить этот знаменитый «Пьяный Кулак»? — Теучи был опытным человеком и повидал в деревне шиноби многое.

— Нет, мне это нужно для дзюцу призыва, даттебайо! — быстро признался Наруто. — Я думал пойти купить сам, но мне тринадцать и никто не продаст! А ты всё-таки владелец ресторана и бочке никто не удивится, могут подумать что ты расширишь заведение.

— Ладно-ладно, я постараюсь тебе помочь. Но партия выпивки крупная, так что достану тебе не раньше завтрашнего утра. — Теучи окинул взглядом оживлённую террасу. — А насчёт расширения, я уже думаю над этим второй день. Но пока что не получается — бизнес идёт благодаря Мито-тян прекрасно, вот только на покупку или даже аренду подходящего большого помещения мне нужно оформлять займ, а это возможно лишь после окончания экзаменов.

— Старик! Тебе не нужно оформлять займ! — дьявольски прекрасная и со всех сторон привлекательная идея возникла в его голове. — Как ты смотришь на то, чтобы присоединиться к клану Узумаки?

— Я ЗНАЛ! Я знал что тебе очень нравится Аяме-тян! Мой нежный цветок, моя девочка! — и без того прищуренные глаза Теучи превратились в две узкие щёлочки. — Ты конечно слишком юн для неё, но любви покорны все возрасты!

— ЗАМОЛЧИ, ИЗВРАЩЕНЕЦ! — закричал Наруто слишком уж сексуальным женским голосом. — Я просто предложил открыть совместное дело под защитой клана Узумаки! Деньги у меня есть, но мне нужно заботиться о процветании клана.

— То есть ты не любишь мою Аяме-тян?

Наруто хотел было ответить, но глядя на прибежавшую на шум дочь владельца, нервно сжимающую в руке увесистую поварёшку, понял, дабы не лишиться всего рамена в Конохе и нескольких зубов, ему нужно проявить дипломатические таланты будущего Хокаге.

— Мне всегда нравилась Аяме-тян! Она очень красивая, добрая и лучше всех в мире готовит рамен! Лучше даже тебя, старик! — Наруто сглотнул и перевёл дыхание. — Но у меня есть ассистентки! Целых четыре, а ещё Сакура-тян! И я ещё слишком молод!

Тут раздался нежный девичий голосок.

— Не беда, Наруто-кун, я подожду пару лет. А с девушками мы как-нибудь разберёмся. В конце концов, там где четыре, там и пять.

— И Сакура-тян! — ошеломлённо добавил Наруто.

— И Сакура-тян. — безропотно согласилась Аяме.

* * *

Карин и Наруто, уютно расположившись среди стопок книг, пили чай и изучали Книги Бинго, принесённые Наруто из Архивной Библиотеки. Наруто не мог отказать сестрёнке ни в чём, поэтому просьба «Принеси, пожалуйста, посмотреть» вылилась в то, что кипящие энтузиазмом клоны принесли по одной копии каждой книги всех деревень за последние девятнадцать лет.

Наруто и Карин интересовали не суммы вознаграждений и даже не крутые прикиды шиноби на фотографиях. Под каждым из портретов находилась важная информация — насколько этот шиноби крут, какие техники использует и какими геномами обладает. Так как каждая деревня выпускала издания «для личного использования» и они неизбежно попадали в Коноху как трофеи, то список возможностей шиноби был всеобъемлющ. А знание о том, что то или иное возможно, переводило вопрос «что сделать?» в категорию «как бы сделать такое же?». Карин с абсолютной уверенностью утверждала, что Наруто, немножко постаравшись, может сделать технику гораздо круче чем образец.

— Смотри, Карин-тян! У него техника Огненного Дракона! Я видел Водного Дракона, это так круто!

— Наруто-кун, мы об этом уже говорили. Какие дзюцу мы ищем?

— Универсальные! Чтобы можно было и нападать и защищаться, и защитить дорогих людей! Я помню, но ведь Дракон — это так круто!

— Если ты придумаешь дзюцу, как у этой мятежницы из Аме, ты сможешь сделать дракона из бумаги.

— Бумага — некруто!

— Ну тогда как у Гаары можешь сделать из песка!

— Получше, но всё равно не так!

— У его отца Стихия Магнетизма и он может управлять золотым песком!

— Это круто, но нужно море денег на золото!

— А вот у предыдущего Казекаге был железный песок — гораздо дешевле. И ещё можно управлять всеми металлическими предметами.

— Если в меня кинут тысячу кунаев, я остановлю их взглядом! Записывай!

Карин послушно записала в расстеленный свиток: «Магнетизм. Стихии: Земля и Молния».

— А вот третий Райкаге может обернуться в чакру Райтона и двигаться быстрее молнии.

— Молниеносный Хокаге Узумаки, величайший учёный Конохагакуре! Оранжевая молния Конохи! Записывай!

Карин написала: «Молния: покров чакры».

— Нукенин Киригакуре, мятежница Теруми Мэй. Два кеккей-генкая, стихии Пара и Лавы.

— Она из деревни Хаку! Покажи!

— У неё почти красные волосы, она тоже Узумаки! Что умеют эти стихии?

— Волосы каштановые. Она выдыхает разъедающий всё пар и плюёт прожигающей всё лавой!

— Красные! Узумаки! Добавь её в наш список. А стихии — не пиши, они отстой. Плеваться — некруто.

Карин записала в почти пустой свиток с двумя именами из Суны: «Теруми Мэй. Киригакуре. Местонахождение неизвестно.»

— Тут пишут про твоего учителя. Отшельник Джирайя. Контракт с жабами. Владеет сендзюцу. Техники... так, обычные стихийные, так... Разенган ты уже изучаешь. О! Может свободно управлять своими волосами, произвольно менять длину и делать их прочнее металла.

— Пиши! А что такое сендзюцу?

— Нужно будет уточнить, написано, что какая-то «природная энергия». — Карин написала: «Техника Гривы Разъяренного Льва. Уточнить у Джирайи-сеннина».

— Первый Хокаге Хаширама Сенджу. Владеет Стихией Деревя — Мокутоном. Настолько сильные техники, что пленяют даже биджу.

— ЗАПИСЫВАЙ! Я Узумаки, но и Сенджу, так что освою в два счёта. К тому же растения — это клёво, Ино-тян говорит что у меня с ними отлично получается.

Карин недовольно сморщилась при упоминании задаваки-блондинки, но записала: «Мокутон. Стихии: Земля и Вода».

И так, в прилежном изучении они провели время до самого прихода оригиналов. И только теперь Наруто понял, что некоторые книги — это круто!

* * *

В безвременье печати было всё так же темно, уютно и очень-очень мокро. Наруто лежал в тепловатой воде и наслаждался редкими минутами покоя. Толстобровик-сенсей был очень благодарным человеком. Он был очень энергичным человеком. Он считал что тяжелый труд даёт возможность превзойти любого гения. И в знак благодарности за исцеление «Вечно Юного Ли-куна», он собрался со всем своим пылом и страстью, сделать из Наруто великого шиноби. Настолько великого, чтобы у Толстобровика всегда был ориентир, было направление куда стремиться. Энергичный. Благодарный. Тяжелая работа.

Наруто знал, что Толстобровик — монстр. Он был чудовищно сильным и целеустремлённым. И теперь Наруто следовало превзойти эту целеустремлённость. Стать чем-то большим, чем монстр.

Когда, измождённый непосильными нагрузками, Наруто решил схитрить и потянулся к чакре своего узника («У меня закончились имена, но я что-нибудь придумаю!»), быстрое исцеление синяков и порезов тут же привлекло внимание сенсея. И понимание, что «Пылающий Огнём Юности Наруто-кун» может очень быстро восстанавливаться, прибавило ему энергичности. Усугубляло дело то, что Панде-тян идея «сделать Юного Наруто-куна величайшим шиноби Конохи» почему-то пришлась весьма по душе. И любые его колебания и проволоочки сопровождались очень-очень острыми кунаями. И вот, в один момент он понял, что ему нужно перевести дух, иначе в нём что-то надломится. Потянувшись к красной чакре, которая несла такую уютную злобу и ненависть, вместо пугающего энтузиазма, Наруто попал в печать. Добравшись к воротам с надписью «Печать» на бумажке, он тяжело плюхнулся в воду и наслаждался покоем и возможностью чуть-чуть отдохнуть. Наруто знал, что это самообман, знал что во внешнем жестоком, пылающем неукротимым огнём весны, мире, не прошло и доли

секунды. Но ему было всё равно.

— Я ведь просто хотел быть Хокаге! Даже до того как стать учёным! Почему же всё так сложно? Как могут быть люди настолько напористыми?

— Это ещё что! Когда-то я сражался с двумя придурками в Стране Молний. Они были очень назойливыми мошками! Я их проглотил, а они вместо того чтобы просто сдохнуть, начали есть меня изнутри!

— Я хочу быть крутым шиноби, хочу стать самым сильным. Я думал что готов к любым испытаниям, но это!

— А этот Учиха со своими проклятыми глазами! Всё никак не мог успокоиться! Мне ведь от вас ничего не нужно! Я просто шел туда где было больше всего ненависти и немножко наводил порядок!

— Я люблю только Сакуру-тян! Девушки все очень красивые, но они — мои ассистентки! Они помогают мне, а я — им! Но я люблю рамен и не готов от него отказаться!

— ... и придурок Гьюки. «Пусть у тебя на один хвост больше, зато смотри какие у меня рога!».

— Я не мог ей не отдать Кубикирибобо! Ведь она так любит оружие! Она так крута с ним! Что если Сакура-тян узнает о том поцелует?

— Чомей говорит, что отец любил её больше всех! «Семь — счастливое число, к тому же я умею летать!».

— И что нашло на Карин-тян! Её поцелуй очень приятен, но она моя сестра! Пусть и не родная! Как можно целоваться с сестрой?! И Сакура-тян меня точно убьёт!

— Даже Шукаку! Один жалкий хвост — и то издевается! «Своему джинчурики сказал, что я — его мамочка! А он, дурачина, поверил!». Представляешь, хвастаться тем, что ты полный придурок!

— ...но и обидеть сестрёнку Аяме, одного из самых дорогих мне людей, я не могу! Почему всё так сложно?

— «Мы даём своим джинчурики кеккей-генкай, а что они получают от тебя? Головную боль?»

— ...это гендзюцу! Хината-тян говорит, что не видит чакры! Красотка-сенсей говорит, что гендзюцу может обманывать все пять чувств, поэтому от реальности не отличить!

— ... и смеются! «Главное — не количество хвостов, а умение ими пользоваться!

— Она говорит, что подобные иллюзии видела только у шиноби клана Курама!

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? — подвал огласил оглушительный рёв.

— Я сказал «Курама»!

— Как ты узнал?

— Что узнал?

— Моё имя!

— Я же говорю, мне сказала Красотка-сен... ТВОЁ ИМЯ — КУРАМА!

— Убирайся! Я не хочу с тобой разговаривать.

— Но ведь Громорык гораздо круче!

— УХОДИ!

— Представь: Курама Громорык — сотрясатель континентов!

— ВОН!

— Или Курама Громорык — Оранжевый Лис Погибели. Его рёв валит деревья! Его хвосты стирают города с лица земли!

— ИДИ!

— Ладно-ладно пойду. Не скучай!

— Пока!

— О, слушай, а может тебе принести что-нибудь? Ну не знаю, может рамен? У меня отлично стал получаться рамен!

— Уходи, мне нужно подумать. Как-нибудь потом, может быть.

<http://tl.rulate.ru/book/47948/1181290>